

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна
Ольховская

Бизнес-леди
и чудовище

Криминальный пасьянс Ланы Красич

Анна Ольховская

Бизнес-леди и чудовище

«Соболева Анна Николаевна»

2010

Ольховская А.

Бизнес-леди и чудовище / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2010 — (Криминальный пасьянс Ланы Красич)

ISBN 978-5-699-37441-0

Бизнес-леди Лана Красич – молода, состоятельна и безумно красива. Чего не скажешь о ее подруге Ирине Иванцовой: не вышла бедняжка ни лицом, ни фигурой. С помощью дорогой косметики Ирина решила было проблемы с внешним видом. Муж, любивший ее и гадким утенком, стал сдувать с нее пылинки. Полный восторг! И вдруг... Верная жена пропала, бросив детей, а супругу сообщила в письме, что полюбила другого. Деловая хватка не подвела Лану и здесь. Она провела экспресс-расследование и выяснила: причина исчезновения Иришки – опасные осложнения с кожей. А причастен к производству таинственной косметики давний враг семьи Красичей – беспринципный мерзавец Скипин, имеющий самые серьезные виды на красоту Лану...

ISBN 978-5-699-37441-0

© Ольховская А., 2010

© Соболева Анна Николаевна, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Ольховская

Бизнес-леди и чудовище

Пролог

Вода была недовольна. Очень. Она, как и любая особа женского пола, предпочитала являть себя миру во всей красе. Если уж ей, артезианской, прозрачно-хрустальной, так резко отличающейся от пропахшей хлоркой плебейки (взвалившей на себя, правда, основную тяжесть обеспечения живительной влагой многомиллионного города), приходится течь сквозь мерзкие ржавые трубы, то она желает вырваться из крана искрящимся водопадом, победно и звонко аплодируя самой себе. И высота водопада должна быть максимально возможной в условиях элитной ванной комнаты, расположенной в не менее элитном доме, гордо торчащем, словно... гм..., пусть будет баобаб – словно баобаб в самом центре Москвы.

В большинстве остальных квартир этого дома так почти всегда и было, и вода, проделав немалый путь от артезианской скважины, получала ожидаемый ею результат.

Но хозяйка конкретно этой квартиры очень редко позволяла воде вообразить себя Ниагарой. Какая, на фиг, Ниагара, когда приходится глухо шлепаться в кретинскую шапку пены! Да еще невообразимо мерзкой пены, больше похожей на отходы химического производства!

Нет, пахла пена замечательно, выглядела еще лучше – пышные, белоснежно-пузырчатые сугробы возвышались высоко над поверхностью воды, делая розовое личико принимавшей ванну женщины очаровательной ягодкой во взбитых сливках. Но состав пены!

Он убивал воду, делая ее мертвой. Не просто мыльной, как другие пены и шампуни, а именно мертвой.

Очаровательной же ягодке, не так давно ставшей «ягодкой опять», ее пена для ванной очень нравилась. Понежишься с полчаса в ароматном сугробе – и словно заново родилась! Кожа нежная, гладкая, упругая, причем не только на теле, но и на лице.

А потом Элеонора Озеровская, популярная телеведущая и одна из самых известных светских львиц Москвы, обычно наносила на посвежевшее после ванны лицо ночной омолаживающий крем той же фирмы, что и пена для ванны. А утром – дневной.

И в свои сорок пять прекрасно обходилась без пластических операций, о чем с гордостью заявляла во всех интервью. Досужие папарацци рыли землю носом и не только, пытаясь уличить Озеровскую во лжи, но ничего нарыть так и не смогли. Автор и ведущая одной из самых рейтинговых программ российского телевидения действительно ни разу не обращалась к услугам пластических хирургов, ни в России, ни за рубежом. Мало того, она даже ботокс не колола!

Но при этом умудрялась выглядеть максимум на тридцать лет.

Элеонора с удовольствием посмотрела в слегка запотевшее зеркало ванной комнаты, затем, тяжело вздохнув, взяла в руки пустую баночку из-под крема.

Надо же было так лопухнуться! Именно лопухнуться, пусть и звучит это совсем не гламурно. Зато верно.

Ведь Катенька, ее личный консультант по продукции косметической фирмы «Свежая орхидея», предупредила, что собирается в отпуск, и предлагала запастись продукцией фирмы впрок. И Озеровская собиралась это сделать, ведь у нее как раз заканчивался ночной, самый сильный, крем. Но – сдача очередной программы с непременно сомнительными бонусами в виде засад, затыков и прочих «за...», объединяемых в одну большую семью, прародительницей которой является самая главная «за...». Полная такая задница внушительных размеров.

В общем, Элеонора завертелась в тугое веретено, вывинчиваясь из этой семейки, все сделала, все успела, а про крем – забыла! И когда вчера вечером обнаружила дно баночки,

вспомнила почти весь лексикон соседа по коммуналке ее детства, вечно пьяного дяди Роди. До чего же детская память восприимчива! Правда, выборочно – сложнейшие матерные конструкции сантехника Родиона Пузякина запомнились дочери потомственных филологов Озеровских гораздо лучше, чем стихи поэтов Серебряного века.

Но на пустую баночку из-под крема словесный эксклюзив дяди Роди никакого впечатления не произвел. Впрочем, на мобильный телефон тоже – он равнодушно сообщил, что Катенька сейчас временно недоступна, и порекомендовал позвонить попозже.

Но Катенька оказалась безнадежно недоступной. Видимо, уехав в отпуск, девушка просто-напросто выключила телефон, чтобы полностью насладиться отдыхом. А то ведь покоя не дадут забывчивые курицы!

– Да, милочка, – грустно сообщила Элеонора собственному отражению, – ты курица. Причем старая и безмозглая. Остается надеяться только на то, что Катенька уехала не очень надолго. А за две-три недели, думаю, ничего фатального не произойдет.

Косметику фирмы «Свежая орхидея» Озеровская открыла для себя около трех лет назад. До этого она скептически относилась к сетевым компаниям, чью репутацию основательно подпортил навязчивый «Гербалайф». Теледива могла себе позволить самую элитную и дорогую косметику известнейших брендов.

Но после сорока никакие супер-пупер-лифтинги уже не спасали. Уставшая от тяжелого телевизионного грима кожа становилась предательски дряблой, а утренние мешки под глазами роднили Элеонору с любителями крепленых чудо-напитков, обладающих нежными и романтическими названиями типа «Поцелуй зари», не говоря уже о знойной «Земфире».

Озеровская приготовилась к болезненной и не всегда безопасной войне с глумливо хихикающей старостью, в арсенале которой (войны, а не старости) числились инъекции ботокса, золотые нити под кожей и тяжелая артиллерия в виде скальпеля пластического хирурга.

Но буквально за неделю до первого визита к хирургу на одной из светских тусовок Элеонора встретила свою давнюю приятельницу, Арину Веригину, автора сентиментальных женских романов.

Последний раз Озеровская видела Арину, которая была на три года старше, около семи месяцев назад, и тогда писательница выглядела на все свои ягодные сорок пять. И тоже готовилась к близкому знакомству со скальпелем.

Но сегодня! Элеонора не сразу узнала в роскошной молодой женщине свою слегка трагичную молью приятельницу. А узнав, немедленно утащила красотку в укромный уголок, где не висели гроздь чужих ушей. Нет, ночной клуб, где в очередной раз собрался столичный бомонд, вовсе не был украшен охотничьими трофеями племени каннибалов, Озеровской не нужны были подрагивающие от желания подслушать живые эхолокаторы.

– Арина! Сейчас же дай мне координаты клиники, где из, прости за прямоту, сморщенной кураги сделали чудесный свежий абрикосик! – Элеонора, не утерпев, провела пальцем по гладкой бархатистой щеке приятельницы. – С ума сойти! Ведь это не грим! Да тебе больше тридцати не дашь!

– Эй, поосторожнее! – Арина убрала руку Озеровской, перебравшуюся со щеки на мраморное декольте. – А то нас сейчас сфотографируют, а потом устанешь от лесбиянок отбиваться! Ты чего лапаешь-то?

– Прости, увлеклась, – ничуть не смутилась теледива. – Я просто обалдела от твоего внешнего вида! Говори адрес, немедленно!

– Адрес чего? – кокетливо улыбнулась Веригина, наслаждаясь произведенным эффектом. А произведенный эффект, как и любой новодел, ужасно гордился собственным помпезным фасадом и надувался этой гордостью, как воздушный шарик – гелием.

– Не придуривайся! – рявкнула Элеонора. – Хирурга, конечно!

– А я услугами этих коновалов не пользовалась, – Арина подняла немного полноватую, но прекрасной формы руку и поднесла ее, словно батон колбасы голодному Бобику, почти вплотную к носу приятельницы: – В какой клинике мне бы сделали такую кожу, да еще на всем теле? Ты видишь – мягкая, нежная, словно у девчонки!

– Не свисти, – теперь уже Элеонора убрала батон, ох, простите – руку писательницы подальше от себя. – Не знаю, как там насчет кожи, но вот мешки под глазами и собачьи брыли под щеками без скальпеля не убрать. Или золотые нити вставила?

– А вот и нет! – хитро улыбнулась Веригина. – Все свое, никаких ниток и скальпелей!

– Тогда тем более ты должна поделиться со мной секретом!

– Почему «тем более»?

– Ну ты же хочешь сняться такой красоткой в одной из моих программ?

– Хочу!

Так Элеонора и узнала о продукции фирмы «Свежая орхидея». Она еще удивилась, что практически ничего не слышала о таком производителе косметической продукции.

Оказалось, что это российская компания, совсем недавно появившаяся на рынке анти-возрастных препаратов. Молодая, но хваткая. Буквально за пару лет она приобрела довольно широкую известность. Правда, в узких кругах обладающих многонилевыми банковскими счетами VIP-персон. То один, то другой персонаж появлялся вдруг помолодевшим и посвежевшим, естественно, вызывая ажиотажный интерес среди своих знакомых.

Сетевой маркетинг, выбранный учредителями фирмы, оказался гораздо эффективней стандартной раскрутки бренда. И именно из-за бешеной дороговизны продукции фирмы. Массовому потребителю вся эта красота была не по карману.

Каждый новый потребитель получал персонального консультанта и – вуаля! Через какое-то время утраченная было молодость возвращалась.

За все три года, которые Элеонора Озеровская пользовалась продукцией «Свежей орхидеи», у теледивы не возникло даже сиюминутного желания сменить крем, попробовать другие бренды. Ведь Катенька постоянно напоминала, что только комплексное воздействие всех препаратов: от пены для ванн и шампуня до кремов и сывороток, – дает такой потрясающий эффект. В противном случае результат тоже окажется противным. И весьма.

Насколько противным, Озеровская выяснять не собиралась. Она слишком дорожила своей безупречно молодой внешностью, чтобы экспериментировать.

И вот теперь из-за собственной забывчивости осталась без любимого ночного крема!

Элеонора выдержала ровно неделю, а вначале второй, не дождаввшись возвращения своего консультанта, купила крем у Арины. Неважно, что он немного другой серии, главное – соблюдено основное правило: только «Свежая орхидея».

И вечером, приняв, как обычно, ванну с любимой пеной, протерев лицо тоником, она нанесла на соскучившуюся по питанию кожу крем.

Чтобы следующим утром, заглянув в зеркало, завизжать от ужаса.

Из глубины предательской стекляшки на нее с не меньшим ужасом смотрело, визжа едва ли не громче, отвратительное чудовище с бесформенной, покрытой красными шелушащимися пятнами мордой. Именно мордой, назвать ЭТО лицом было нельзя.

Глава 1

Утро красит нежным цветом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская страна!

Бравурный марш строителей коммунизма в очередной раз обрушился на Лану в самый неподходящий момент. Она только-только выбралась из засиженного пауками подполья, где за ней гнался кто-то, судя по разнузданной толпе мурашек на спине, очень опасный. И вот подполье осталось там, где ему и положено быть, то есть под землей, отважная искательница приключений Лана Красич, даже ничуть не запыхавшись, одной левой (вторая ведь уже правая), заваливала выход из обители опасного кого-то здоровенным валуном. Как вдруг из темноты показалась отвратительная клыкастая харя и, капая слюной, занудила песню про утро советской страны.

Когда харя сообщила насчет кипучей, могучей и непобедимой, Лана сочла количество сюра запредельным и проснулась.

А зловредный будильник, подаренный не менее зловредным братцем, продолжал орать панегирик Москве.

Совсем не оригинальное, но весьма упертое желание запустить в будильник подушкой в очередной раз ушло не солоно хлебавши. Другому желанию уже давно бы осточертело каждое утро хлебать несоленую бурду, но это же упертое!

Поэтому Лана каждый вечер размещала будильник очень стратегически: на столе среди падающих и бьющихся вещей, попадание сюда подушкой было бы весьма разрушительным.

Заменить будильник? А зачем? Любой звук, вырывающий из вкусного утреннего сна, одинаково противен. А этот все-таки подарок Ярика. Брат уехал, и опять надолго, Лана снова уныло соскользнула, словно отчаявшаяся лягушка на дно крынки с молоком, в свою бизнес-крынку.

Отчаянно бить лапками, чтобы сбить свой кусок масла и выпрыгнуть на свободу, смысла не было. Милана Мирославовна Красич, последняя надежда отца на семейное управление созданным им строительным холдингом, соскочить с бизнес-крючка, как это сделал когда-то ее старший брат Яромир, даже не пыталась.

Она видела, как расстроился отец, когда Ярик вместо финансово-юридической академии поступил во ВГИК.

Впрочем, «расстроился» – не совсем то слово. Горячая кровь серба Здравко Красича, познакомившегося в немецком концлагере с тихой русской девушкой Настей и уехавшего вместе с ней в Советский Союз, вовсе не остыла в венах его сына и внука. И скандал, разразившийся в доме Красичей, грозил перейти в ураган высшей категории опасности.

Если бы не мама Лена. Хрупкая светловолосая женщина, похожая на голубоглазого эльфа, легко справилась со своими бушующими мужчинами. А если учесть, что и муж, и сын были выше мамы Лены почти на голову, в целом это смотрелось забавно.

Легкий тычок маленьким кулачком в спину Красича-старшего, и багровый от злости Мирослав, шумно сопя, ушел в кухню, где немедленно разбилось что-то стеклянное. Провоцируемого толпой неуправляемых гормонов семнадцатилетнего Яромира пришлось волоочь в его комнату за ухо. Но хихикать над смешно изогнувшимся братом Лана не рискнула.

После этого Мирослав почти год практически не общался с сыном, но постепенно смирился с тем, что достойного наследника строительной империи у него нет. Зато есть наследница – умница и красавица Милана, учившаяся тогда в седьмом классе.

И вопроса «Ну, куда поступать собираешься, дочка?» Лане никто не задавал, ее будущее было predetermined. А девушка особо и не возражала, если папа так хочет, пусть так и будет.

Она вообще была редчайшим по нынешним временам экземпляром. Выросшая в более чем состоятельной семье, обладавшая нестандартной, притягательной красотой, Лана миновала подростковый возраст тихо и незаметно. И если взросление Яромира добавило маме Лене немало седых волос, то отличница Лана, все свободное время проводившая дома с книжкой, стала для матери настоящей отрадой. Это старое, уже почти вышедшее из обихода слово, наиболее полно отражало эмоции, вызываемые у родителей дочерью.

Нежная, добрая, послушная, искренне обожавшая своих родных, да еще и умница какая! Школу окончила с золотой медалью, академию – с красным дипломом. А потом и в бизнесе Лана зарекомендовала себя с наилучшей стороны, став надежной помощницей отца.

Правда, мама Лена уже начала волноваться из-за отсутствия у дочери постоянного кавалера.

Во время учебы в академии девушка ходила с однокурсниками и на дискотеки, и в ночные клубы, но почти всегда возвращалась оттуда одна. И вовсе не из-за того, что практически не пользовалась косметикой, а из одежды предпочитала джинсы и джемпера. Краситься обладательнице чернящих бровей и ресниц было совершенно не обязательно, природа, а также мама с папой могли гордиться своим творением. Помимо длинных пушистых ресниц – огромные зеленые ведьмачьи глаза, нежная гладкая кожа, роскошные вьющиеся каштановые волосы, стройная и очень женственная фигура. А еще – алые, красивой формы губы. Зачем ей косметика и супер-пупер-наряды?

Лана и в своих непререкаемых джинсах вызывала более чем повышенный интерес со стороны представителей мужской части населения. Вот только сами эти представители интереса у девушки не вызывали. Почему? Горе от ума. Тупое гыгыканье потенциальных кавалеров вызывало у Ланы рвотные позывы, темы «бесед» – зевоту. Ей нужен был умный, состоявшийся, обладающий чувством юмора мужчина, с которым можно говорить обо все на свете, но такие на дискотеки и в ночные клубы почти не ходят. Во всяком случае, Лане пересечься с ним не удавалось.

А потом случился бурный, но короткий роман с приятелем брата, актером сериалов Михаилом Ладиченко. Избалованный женским вниманием Михаил немного смутился, став у двадцатилетней красавицы первым мужчиной, но не более. Может, только продержался рядом с ней чуть дольше, чем обычно, целых полгода. А потом ускакал в поисках новой добычи.

Правда, ускакал с основательно подпорченной физиономией. Яромир, узнав о неспортивном поведении приятеля, вдумчиво и со знанием дела (немного дзюдо, полгода ушу и чуть-чуть капоэйры) подкорректировал безупречно мужественную внешность Ладиченко. Продюсер сериала, в котором снимался тогда Михаил, даже собирался подать на Яромира в суд, требуя возмещения убытков из-за срыва съемок (какие съемки, когда у главного героя мордень фиолетовая и нос набок), но Красич уехал искать счастья в Штатах.

И, что самое невероятное, нашел, став первым российским актером – звездой Голливуда. Мила Йовович, с которой постоянно сравнивали Яромира, не в счет, она ведь выросла в Америке. Но некоторая параллель имелась. Какая? А происхождение, та самая гремучая смесь южно- и северославянских кровей, дающая столь киноголичную внешность.

Классическим, эдаким конфетным красавчиком Яромир Красич не был, но его неправильные, по-мужски привлекательные черты лица вызывали почти неконтролируемое слюноотделение у представительниц противоположного пола. Впрочем, не только противоположного. Но в данном вопросе Яромир был непреклонно старомоден. Что и доказывал совершенно

варварским, неполиткорректным, но зато очень доходчивым способом. Ему даже пришлось отсидеть пару месяцев в тюрьме за избиение особо непонятливого гражданина США.

Но все это не помешало Яромиру Красичу стать одним из самых высокооплачиваемых актеров Голливуда. На его банковском счету давно уже помахивала хвостом с шестью нулями внушительная цифра, что окончательно примирило Мирослава с выбором сына. Ведь Красичи во всем должны быть первыми, за какое бы дело они ни брались.

Дочь тоже не разочаровала отца, показав себя толковой, хваткой и даже порой жесткой бизнес-леди.

Лана же терпеть не могла дело, которым ей пришлось заниматься, но она привыкла все, за что бы ни бралась, выполнять на «отлично». Вот только... Как же ей все это надоело, кто бы знал!

Особенно остро девушка почувствовала тяжесть свалившегося на нее бремени наследования империи Мирослава Красича после недавнего визита Яромира.

Брат приезжал три месяца назад, решив навестить родных после пяти лет разлуки. И сумел убедить отца отпустить Лану в отпуск.

Мирослав, привыкший, что все два года после окончания академии дочь всегда была рядом, став необходимой и незаменимой, к стыду своему обнаружил, что превратился в деспота и где-то даже тирана.

Он совершенно забыл, что его горячо любимая умница дочь еще и молодая красивая девушка, у которой должна быть личная жизнь. Жена не раз пыталась напомнить ему об этом, но Мирослав считал, что раз сама Лана не просит отпустить ее отдохнуть и развеяться, значит, ей это и не надо.

А вот приехавший совершенно неожиданно Яромир за двадцать минут добился того, о чем Лана два года и заикнуться не смела. Впрочем, не совсем так. Отношения отца и дочери были очень теплыми и доверительными, Лана просто не задумывалась о возможности хоть на время забыть о бизнесе и посвятить себя ничегонеделанию. Ведь папе без нее будет трудно!

И потом... После свинского поступка Михаила Лана закрылась для личной жизни, у нее осталась только работа. Нет, с подругами девушка с удовольствием встречалась, они ходили в гости, устраивали походы в сауну, набеги на фитнес-клуб, но ни о каких знакомствах речи больше не шло.

Яромир, заглянув в платяной шкаф сестры, ужаснулся: ни одного легкомысленного наряда, ничего гламурного и супермодного. Дорогие, со вкусом подобранные, но исключительно деловые наряды и, разумеется, джинсы, свитера, майки. Пора было браться за Лану всерьез.

Что он и сделал.

Глава 2

Яромир тогда первым делом потащил сестру к известному стилисту, а потом – по магазинам, и под его чутким руководством девушка превратилась... Нет, не в красотку, ею Лана и так была. Новый имидж сделал из серьезной и деловой бизнес-леди Миланы Мирославовны Красич невероятно сексапильную и опасную хищницу.

Стилист, выбрав этот образ, попал в точку.

В ту крохотную, спрятанную под многолетними наслоениями послушания и покорности судьбе точку, постоянно пульсировавшую в душе Ланы каким-то непонятным томлением. Девушка самой себе не могла объяснить, что с ней не так, почему ее размеренная, в общем-то, счастливая жизнь вызывает порой желание завывать. Впрочем, до раздвоения личности и разговоров с собой, любимой, дело пока не дошло.

Оно, дело, прекрасно ощущало себя там, где ему и должно быть комфортнее всего – в деловом центре, где располагался головной офис строительного холдинга Мирослава Красича. И где проводила по восемь-девять часов в день Лана. Там скучать было некогда, кофе бы успеть попить.

А вот когда девушка возвращалась в свою шикарную трехкомнатную квартиру, подаренную отцом по случаю получения дочерью красного диплома, заваленная хламом точка напоминала о себе, пульсируя все сильнее.

Но вытащить ее наружу, заставив засиять в полную силу, смог только тот самый стилист. Вернее, он только вытащил, изменив образ девушки, а засияла Лана сама. Почти сразу.

Когда маэстро ножниц развернул кресло клиентки к зеркалу и, победно скрестив руки на груди, позвал Яромира оценить работу, и брат, и сестра дружно ахнули.

Холодная, строгая бизнес-леди с гладко зачесанными и собранными в затейливый узел волосами исчезла. Стянутые в фигу волосы рассыпались по плечам роскошной золотисто-каштановой гривой, искусно подведенные зеленые глаза таинственно и опасно сверкали, в движениях появилась кошачья грация. Из зеркала на них смотрела рысь.

Именно рысь, не тяжеловатая львица, а компактная, изящная, но от этого еще более опасная хищница. Которая не боится никого и ничего, а еще – она невероятно любопытна, должного уважения и страха перед человеком рысь, в отличие от других хищников, не испытывает и может заявиться в гости в любое время дня и ночи. Но если, не дай бог, кто-то посмеет угрожать ей либо ее детенышам – на обидчика обрушится рычащее когтистое цунами.

И оказалось, что под пластами послушания, исполнительности и смирения все это время билась, пытаясь вырваться наружу, именно она. Рысь. Иногда ей все же удавалось высунуть наружу когтистую лапу и хорошенечко врезать оппоненту, но случалось это, как правило, на деловых встречах и переговорах. В обычной, в неделовой жизни Лана оставалась все такой же спокойной, уравновешенной, предпочитающей тихие вечера с книгой девушкой.

Оставалась раньше, но не теперь.

– Ни фиги ж себе! – только и смог произнести звезда Голливуда Яромир Красич, увидев новую сестренку.

В общем, теперь на всех тусовках брат и сестра Красичи постоянно были в центре внимания, и не только из-за звездного статуса Яромира.

А потом случился весь этот кошмар, устроенный Прокопием Винтороговым, бывшим сокурсником Красича, завидовавшим до разлития желчи успехам этого бездарного выскочки (см. рассказ Анны Ольховской «...»). Прокоша подставил Яромира, втянув того в историю с убийством. И рысь окончательно выбралась наружу, позволить кому-то растоптать жизнь и карьеру любимого брата Лана не могла. Она провела собственное расследование, и пусть

немного ошиблась в выводах, но добытые ею материалы помогли вытащить Ярика из дурно пахнущего отверстия.

Идти по следу, ощущать ток адреналина в венах, предвкушать заключительный прыжок – ох как же это понравилось Лане! Но...

Яромир вернулся в Штаты, а Милана Мирославовна Красич – к исполнению своих бизнес-обязанностей. И все закончилось.

Стильные, откровенные, порой провокационные наряды отправились в шкаф вести долгие задушевные беседы с молью, сменив там опротивевшие до оскомины деловые костюмы. Волосы, быстро привыкшие к свободе, тихо стонали, снова оказавшись в затейливой, но – фиге. А хищный сексапильный макияж остался только на фотографиях.

Журналисты, все время пребывания Яромира Красича в Москве не дававшие ему, а заодно и его сестре покоя, саму Лану теперь просто завалили покоем. Кому интересна скучная бизнес-леди?

Лана знала прозвище, которое ей дали сотрудники холдинга, – Снежная Королева. Что ж, вполне прилично, могли и Сушеной Воблой назвать. Или Мумией, к примеру.

Потому что именно так девушка себя сейчас и ощущала: высушенной мумией рыси. Жизнь снова зарастала паутиной.

А запах опасности и приключений остался только во сне. И спасибо подсознанию, тоже, видимо, томившемуся от размеренной спокойной жизни, оно радовало хозяйку почти каждую ночь, подкидывая сны-триллеры, которые всегда заканчивались сюрмом, подобным сегодняшнему. Хорошо хоть песни, под которые Лана выпадала в скучную действительность, радовали разнообразием. Где Яромир раздобыл будильник, вместивший в себя чуть ли не все жизнерадостное песенное наследие Страны Советов, девушка понятия не имела. Брат всегда отличался особым чутьем на подобные вещицы.

Ладно, пора вставать. Сегодня она обещала после работы поехать в гости к родителям, мама Лена соскучилась по дочери и заманила ее на все выходные, соблазнив своими фирменными блинчиками. Тонкие, кружевные, пропитанные сливочным маслом, да с домашним клубничным вареньем – м-м-мням! Лана могла уничтожить внушительную стопку этой вкуснятины, совершенно не заморачиваясь подсчетом потребленных калорий и священным ужасом перед столь кошмарным сочетанием негламурных продуктов. Тесто? Сливочное масло?! Варенье?! Шок и трепет.

Спасибо маме с папой, подарившим дочери возможность есть все, что хочется, и при этом не превращаться в бесформенную хрюшку. Лана с удовольствием пользовалась подарком, не ломаясь и не кокетничая. «Ах, я это не ем! Фу, что это – торг?! Мне только три листика салата с капелькой лимонного сока!»

Она что, коза – листья жевать? Мяса, и побольше, от трубочек с кремом тоже не откажусь!

А вот готовить Лана не любила. Умела, но не любила. Тратить кучу времени на то, что уничтожится за двадцать минут? Лучше книжку почитать. Тем более – готовить для себя одной!

И в холодильнике Ланы пели заунывные песни под дреньканье комуза полуфабрикаты, яйца, джемы и, разумеется, кефир. Всякие там йогурты и прочие новомодные полезные продукты девушка не любила, хотя широко рекламируемые живые обитатели этой прелести могли добавить позитива в репертуаре содержимого холодильника.

Когда-то мама Лена выходила замученную жутким диатезом маленькую Лану с помощью обычного магазинного кефира, заменив им молочные смеси. Зудящие трещины и язвы, покрывавшие тельце крохи, исчезли буквально за две недели. А Лана с тех пор обожает кефир.

Но утром она предпочитала тосты с джемом, разнообразие меню достигалось с помощью смены джема. Сегодня настала очередь апельсинового.

Так, хлеб – в тостере, кофеварка бурчит и похрюкивает, плоский телевизор на стене вываливает на заспанный народ ворох ненужной, но очень позитивной информации. Обычное утро. Хотя нет, не совсем обычное, ведь сегодня пятница! А значит – целых два дня вне осточертевшего офиса, и можно забыть о постоянных заморочках и обладающих упертостью кретина проблемах.

Да и по мамульке соскучилась. С отцом Лана виделась ежедневно, а вот маму Лену только слышала. По телефону.

Кстати, о маме Лене. С экрана телевизора Лане приветливо улыбалась мамина подруга, известная теледива Элеонора Озеровская. Странно, ведь ее программа идет обычно в субботу днем, а не в пятницу утром.

Девушка взяла пульт и прибавила звук, захлебывающийся голос одного из самых скандальных телепапарацци зачастил:

– ...исчезновением Элеоноры Озеровской! Последний раз ее видели около недели назад на одной из светских тусовок. После этого она не выходила на связь и не появилась на работе! Телефон Озеровской выключен, к домашнему никто не подходит, под угрозой срыва выход ее очередной программы, поскольку Элеонора не закончила озвучку! Именно это заставило друзей и коллег ведущей забить тревогу! Что же произошло? Следите за нашим эфиром!

Повизгивающий от избытка энтузиазма репортер булькнул обратно в виртуальное болото телеэфира, и утренняя программа вернулась в обычную позитивную колею.

Лана недовольно поморщилась. Вот же паршивец, не удержался-таки, влез с надуманным негативом утром. Сколько можно нервировать людей? Они и так запуганы льющимся с экранов потоком плохих новостей. Кризис, катастрофы, а тут еще и очередной конец света придумали и с дебильным смакованием долбят людям – вы умрете! Так предсказали майя, шмайя и прочие доставанусы. Да в анус все эти предсказания! Откуда кто бы то ни было мог знать точную дату по грегорианскому календарю? Бред это все, причем совсем не безобидный. Создается стойкое впечатление, что кто-то сознательно сеет панику. Решили, что население Земли слишком велико и надо людей подсократить? Пусть массово кончают жизнь самоубийством, не вынеся ожидания конца света.

Люди, поверьте, все будет хорошо! Тот, кто наверху, как бы Его ни называли, любит вас! Так полюбите и вы себя, наконец! И закидайте банановой кожурой и картофельными очистками (кому чем проще) всех предсказателей и нытиков!

И в первую очередь – таких вот репортеришек, которые вместо того, чтобы успокаивать народ, с радостью сообщают – вы все умрете! Ну с чего он взял, что с Озеровской беда? Чего каркает? Судя по рассказам мамы Лены, Элеонора наслаждалась каждым мгновением своей снова молодой жизни. А недавно у нее появился очередной любимый мужчина.

И вполне вероятно, что теледива просто решила спрятаться от всех, сбежать на какие-нибудь экзотические острова. А тут уже волну погнали! Вот же поганцы, вечно пытаются разглядеть сенсацию там, где ее нет. А нет сенсации – сотворим впопыхах.

Вот в их бы попы, да с ноги – хах! Чтобы летели журавлиным клином куда подальше. Желательно в излюбленное ими смердящее место, куда они так любят окунать других.

После истории с Яриком Лана папарацци не любила. Очень. Обычным журналистам-трудягам, особенно тем, кто ехал в горячие точки или вел опасные для жизни расследования, разоблачая криминал, она искренне симпатизировала.

А вот любителей покопаться в грязном белье, со вкусом вынюхивающих самое отвратительное, причем частенько лично пачкая слишком уж чистое, – их девушка презирала. Одно слово – гиены пера.

Надо будет вечером маму Лену расспросить поподробнее насчет Озеровской.

Глава 3

Что Лана и сделала после того, как выпала из офиса в конце рабочего дня. Отец еще раньше уехал на одну из стройплощадок и домой собирался ехать прямо оттуда. Он предлагал дочери присоединиться, тем более что она тоже курировала этот объект, но не получилось.

Совершенно неожиданно позвонил Родован Караклаич, сербский партнер Мирослава и его давний приятель еще по институту. Оказалось, что опять активизировался главный конкурент Красича, владелец строительного концерна «Скип» Виктор Скипин, человек подлый и беспринципный.

Во всяком случае, так считала Лана. Возможно, потому, что Скипин не только постоянно старался перехватить самых выгодных заказчиков, но и доставал девушку намеками на невероятную выгоду, которую принесет слияние. Для начала – тел.

Но дряблое жирное тело, на котором гнилой вишенкой сидела плешивая голова, девушку почему-то не привлекало. Ну вот ни чуточки. Тем более что к телу в качестве дополнительного бонуса прилагались уродливая физиономия, вонь изо рта и потные ладони, которые постоянно норовили прилипнуть то к коленке Ланы, то к бедру.

Пока владелец всего этого богатства не получил однажды по той самой уродливой роже. После чего вредил холдингу Красича с особым вдохновением, не гнушаясь ничем. Но – на то он и гнус, чтобы с удовольствием гнущаться подлостью и клеветой.

И сейчас этот жирный слизняк принялся обзванивать зарубежных (и не только) партнеров Мирослава, намекая на грядущие проблемы Красича. Якобы его безупречная репутация под угрозой, ведь исчезла любовница Мирослава, Элеонора Озеровская!

Разумеется, те, кто был близко знаком с семьей Красичей, в эту чушь не поверили, они знали, с какой нежностью Мирослав относится к своей жене. Других женщин для него не существовало. Красич-старший достаточно покурлесил в молодости, дамы сердца... нет, не сердца, другого органа, – у высокого смуглого красавца менялись довольно часто. Пока в двадцать восемь лет Мирослав не встретил своего голубоглазого эльфа, двадцатилетнюю студентку института иностранных языков Елену. И только тогда дрогнуло и затрепетало его сердце.

Лана понимала, что отношения между мамой и папой – невозможная редкость по нынешним временам. Уже больше тридцати лет они смотрят только друг на друга, в одну сторону пусть смотрят пламенные революционерки с пожелтевшими от табака пальцами.

И бред о наличии у папы любовницы, да еще и Элеоноры, предпочитавшей молодых жеребчиков, был просто оскорбителен, а в свете последних событий – еще и опасен. Хорошо, что Родован, не сумев дозвониться до Красича-старшего, сообщил об инсинуациях Скипина Лане. И теперь предстояло разобраться с проблемой самостоятельно.

Вот только как? Как заткнуть прорвавшуюся канализацию, когда дерьмо расплзается все больше? При чем сделать это не запачкавшись?

Возможно, раньше Лана и растерялась бы, но не теперь.

Обзванивать всех, кому успел брякнуть Скипин, с криком «Витя дурак!» она не стала. Сейчас следовало проигнорировать выходку плешивого жирдяя, но остановить поток фекалий было необходимо.

Чем? Импровизацией.

Лана покопалась в записной книжке, нашла нужный номер и набрала его.

– Да, слушаю, – квакнула трубка.

– Виктор Борисович, не волнуйтесь, это лечится, – с преувеличенной заботой сообщила Лана. – Главное, не запускать.

– Господи, Милана Мирославовна, вы ли это! – возбудился было Скипин, услышав голос объекта своих сексуальных фантазий, но потом, видимо, до него дошел смысл слов. – Что вы имеете в виду? Что не запускать?

– Болезнь Альцгеймера, – прошебетала Лана. – Или старческое слабоумие, как вам больше нравится. Вы бы к врачу ходили, а то скоро под себя ходить начнете или слюнями обвеситесь. Впрочем, слюни вы уже пускаете...

– Хамить изволите, мадам? – хмыкнул Скипин. – А что, мне даже нравится! Не такая уж ты и амеба, оказывается. Я-то думал – инфузория в туфельках беззубая, такую даже трахать неинтересно...

– Во-первых, – решила прервать явно провоцировавшего ее жирдяя Лана, – я что-то не припомню распятия вина на брудершафт, столь омерзительное действие я бы не забыла.

– Ну почему же омерзительное, ты же не пробовала.

– Вырвет сразу, а послевкусие от действия обратной перистальтики у меня и так постоянно с вами, Виктор Борисович, ассоциируется. Во-вторых, я восхищена вашим искрометным чувством юмора, свидетельствующим о высочайшем уровне IQ. Сколько он у вас? Сорок? Или целых сорок шесть?

– Деточка, – похоже, Скипин начал заводиться, во всяком случае, утробное кваканье превратилось в змеиное шипение, – а ты не забываешься? Я что, давал повод для подобных эскапад?

– Узнаю! – воскликнула Лана. – Узнаю брата Витю! Тот самый беспринципный тип, для которого не существует никаких норм и правил ведения бизнеса. Клевета, сплетни, грязь – вот излюбленные методы этого героя нашего времени!

– Ах, вот ты о чем, – процедил Скипин. – Запомни, малышка, главное правило ведения бизнеса – это отсутствие правил.

– Вы считаете?

– Я не детсадовец, чтобы считать, я знаю. А ты, красавица, лучше прими мое предложение, пока не поздно.

– Выяснить, что в вашем представлении поздно, я не стану. – Так, еще немного снежку в голос, чтобы аж похрустывал. – Но лить грязь на моего отца вы больше не будете.

– Это почему же? У нас свободная страна, и я имею право говорить что хочу и кому хочу.

– Статью УК РФ за клевету еще никто не отменял.

– Да неужели в суд подавать будете? – хрюкнул Скипин. – Вот спасибо, вот порадовала!

– Ну зачем же, – усмехнулась Лана. – Привлекать внимание прессы к вашим бредням мы не будем...

– И не надо, я сам справлюсь.

– Это вряд ли.

– Почему же?

– Потому что у нас для прессы повкуснее темка найдется. И погорячее. Тут уж не сплетни насчет мифического адюльтера Мирослава Красича, тут сенсацией попахивает. Вернее, поавнивает.

Это был выстрел наугад. Разумеется, никакого компромата на Скипина у Ланы не было, но, учитывая специфику личности Виктора Борисовича, криминал в его резюме явно зашкаливал.

И «наугад» оказался яблочком. Жирдяй напрягся, и всерьез.

Тишина в телефонной трубке наливалась тяжестью, она давила все осязатее. Дождаться, пока Скипин очухается, Лана не стала.

– Надеюсь, мы поняли друг друга? – Отлично, уверенная снисходительность – то, что надо.

Тяжелое сопение.

– Виктор Борисович, ау, вы еще там?

– Да.

– Так вот. Вы оставляете в покое нас, и мы гарантируем, что информация о вашем участии в кое-какой гнусности в прессу не просочится. Договорились?

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, Милана Мирославовна, – очнулся наконец Скипин. – Но продолжать разговор в подобном тоне не желаю.

– Отлично! Мы друг друга поняли.

Лана нажала кнопку отбоя и облегченно вздохнула. Кажется, получилось. А что конкретно мог натворить Скипин, не суть важно. Раз его так перекорежило, явно не ложки в детском саду спер.

Через полчаса девушка уже забыла о неприятном инциденте, утонув в обычной пятничной текучке. Почему-то накануне уик-энда всегда наваливается куча дел, которая сидит всю неделю в засаде, предвкушая пятничный апофигей. Причем полный.

На разваливание и разбрасывание кучи ушло еще полтора часа, так что к дому родителей, расположенному в охраняемом коттеджном поселке, Лана подъехала около семи вечера.

Оставив машину во дворе, она какое-то время постояла на крыльце, наслаждаясь теплым августовским вечером и запахом цветов в саду.

И если в Москве они, цветы, пахли сначала выхлопными газами, а потом уже собой, то здесь – только собой. До головокружения.

Но и есть хотелось до головокружения, а одними запахами сыт не будешь.

Лана подняла руку, чтобы позвонить, но в этот момент дверь распахнулась:

– Вот так и знал! – возмущенно забасил отец. – Я тут, понимаешь, уже почти умер от голода, не найдя даже крохотной капельки сострадания в душе у холодной и бесчувственной женушки, так еще и яблочко на пороге зависло!

– Я сегодня назначена яблочком? – улыбнулась Лана, входя в дом. – Надеюсь, не тем, что во рту у жареного поросенка?

– Ты родилась тем самым яблочком, – грустно вздохнул Мирослав, – которое недалеко от яблоньки падает. У меня жестокая жена и не менее жестокая дочь. Одна не пускает мужа в столовую, пока Ланочка не приедет, а другая, приехав, издевательски торчит на крыльце, вбивая последний гвоздик в крышку папиного гроба.

– А что, очень симпатичный гвоздик у нас получился, правда, пупс? – мама Лена, приподнявшись на цыпочки, чмокнула почти двухметрового пупса в щеку и направилась к дочери: – Здравствуй, пампушечка! Я так соскучилась!

Мягкие теплые руки, в которых так уютно и надежно, снова на минуту закрыли дочь от всех невзгод и проблем. И хотя уткнуться, как в детстве, в мамино плечо Лана уже не могла, рост не позволял, но ощущение дома, семьи осталось прежним.

И вкусные запахи тоже. На кухню мама Лена не пускала никого, готовила для мужа и дочери сама. И только когда намечалось нашествие гостей, приглашались повара и официанты.

– Так, пампуша, быстренько вымой руки и к столу! – деловито распорядилась хозяйка дома. – Папуля истомился совсем!

– Дайте хоть переодеться, сатрапы! – хихикнула девушка, ловко увернувшись от маминого полотенца. – Я быстренько!

Мельком глянув в зеркало, Лана улыбнулась. Пампуша! Она давно уже не была пухлой годовалой малышкой, но мама Лена, любительница ласковых прозвищ, продолжала называть так дочь. А еще – олененком. Ярик был и остался, несмотря на звездный статус, Снусмумриком, а папа – пупсом.

И это было здорово, потому что – семья. Самое надежное, что было в жизни Ланы. Она знала – здесь ее любят, ждут и примут всегда, что бы ни случилось. Семья не отвернется, не бросит в беде, будет бороться и защищать до последнего.

И то же самое готова была делать для них Лана.

Глава 4

Лана решила ничего не говорить отцу о выходке Скипина. Потому что, несмотря на немалый бизнес-опыт, требовавший холодного рассудка и загнанных в резервацию эмоций, Мирослав Красич никогда и никому не прощал личных оскорблений. Он, конечно, морду уже не бил, как его сын, но пустить трещины по своей репутации разумного и ответственного человека мог.

Ведь что может сделать бизнесмен его уровня, когда на него выливают ведро помоев? Из цивилизованных способов – подать иск о защите чести и достоинства, привлекая к вонь еще больше любопытных мух. Из нецивилизованных – нагадить в ответ. Но ни то, ни другое Красичу-старшему не подходило, а вот окунание обидчика в унитаз могло случиться, поэтому служба безопасности холдинга всегда старалась купировать возможные проблемы такого плана в начале пути, не позволяя им подползти к шефу вплотную.

Но сейчас первой узнала о помоях зловредного жирдяя Лана и не стала, как раньше, сообщать об этом Матвею Кравцову, начальнику службы безопасности.

Зато теперь чувствовала себя настоящей защитницей семейного очага. Оставалось только проверить, насколько соответствует действительности это ощущение.

Появится сплетня Скипина в прессе или нет?

Но пока никто отцу не звонил, а телевизор Красичи в этот вечер не смотрели, им и так скучно не было.

А еще Лана решила все же сегодня тему Озеровской не поднимать, очень уж она, тема, ей надоела за этот день.

И тема, приготовившаяся к бенефису, обиделась, надулась, раздулась до неприличных размеров и с размаху шлепнулась на головы Красичей на следующий день, когда Елена решила посмотреть программу своей подруги, выходящую раз в месяц по субботам.

Лана старательно убалтывала мать, надеясь, что та забудет о телевизоре. Если бы погода была подходящей, возможно, девушке и удалось бы задуманное. Уволокла бы родителей к бассейну и устроила пляжный сейшн на троих.

Но погода подходить категорически отказалась, сговорившись, видимо, с оскорбившейся игнорированием темой. Вот же бабье зловредное!

А может, солнце там, на другой стороне Земли, в эту ночь хорошенечко погудело, и теперь ему стыдно было показывать свою опухшую физиономию людям. И оно вытащило с антресолей серое отсыревшее одеяло из облаков, нудно моросившее чем-то непонятным: то ли водой, то ли паром.

У Ланы в такую погоду неудержимо начинала чесаться шея, видимо, напоминали о себе пройденные во время внутриутробного развития жабры.

Приветственно квакать на дождь, сидя у бассейна, родители почему-то отказались. Отец ушел в кабинет, где, нетерпеливо шурша страницами, его ждали какие-то бумаги. А мама Лена, сделав глинтвейн на апельсиновом соке, устроилась на диване перед телевизором, прихватив в качестве плюшевого мишки дочку.

Ну и ладно. Собственно, ничего экстраординарного ведь не произошло, Элеонора просто свинтила куда-то на крыльях любви. Стрекозиных крыльях, если верить современной попсе. Вообще Лана очень много любопытного, а порой и неожиданного узнавала, включая в машине FM-станции.

Например, о том, что среди нас давно ходят мутанты. Или даже инопланетяне. Иначе как объяснить слова «Под кожей рук дрожат глаза»? У кого глаза расположены под кожей? Только у тех, кто честно заявляет: «Я взлетаю в небеса и там пугаю звезды». А еще Лана узнала, что маньякам тоже не чужды романтические чувства, пусть и своеобразно выраженные: «У меня от любви по колено руки в крови». Хотя нет, это тоже о мутантах, маньяках-мутантах, у которых

колени на руках. Позабавился такой с очередной жертвой, отрезал, как обычно, прядь волос на память и поет нежно так, задушевно: «Я люблю твои волосы в лампе ночной». Абажуры делает из волос жертв, что ли?

А гимн мужскому бессилию? «Мой шарик, сдувшийся у ног, он тоже очень одинок...»
Печально, но честно.

Заблудившись в предположениях, что же все-таки курят авторы этих песен, Лана упустила момент начала программы Озеровской. И выпала из леса предположений, только услышав знакомый голос.

Программа шла, а значит, с Элеонорой все в порядке. Теперь можно и поговорить с мамой Леной о забавном казусе с «пропажей» ее подруги. Не касаясь, разумеется, смердящей версии Скипина.

Лана дождалась окончания программы и повернулась к матери:

– Мам, а ты давно с Элей разговаривала?

– Да где-то дней десять уже не созванивались. Я пару раз набирала ее номер, но абонент все время был недоступен. Надо, кстати, сейчас попробовать, поздравлю с выходом очередного шедевра.

– Между прочим, – усмехнулась Лана, – нетерпеливые папарацци пустили слух, что Озеровская пропала.

– Seriously? – аккуратные брови Елены Красич так же аккуратно перенесли себя вверх.

– Да, я вчера утром слышала, как желтый Макс, ну, тот скандальный репортериска, что Ярика доставал, в утренний эфир влез. Видите ли, Озеровская не выходит на связь, отключила мобильный, к домашнему не подходит, на носу телеэфир, а программа еще недоозвучена, в общем, сплошное бла-бла-бла. Сенсация на пустом месте.

– Я бы не сказала, что совсем уж на пустом, – Елена взяла стакан с глинтвейном с журнального столика. – Эля, при всей ее кажущейся легкости, ко всему, что касается работы, относится более чем серьезно. И сорвать выход программы может только в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы, как обычно пишут в договорах.

– Это каких же?

– Несчастный случай, тяжелая болезнь, смерть.

– Мамуль, не преувеличивай, – Лана боднула теплое мамино плечо и закопошилась, устраиваясь возле миниатюрного бока поудобнее. – Какая еще смерть? Подумаешь, не выйдет программа! Ничего страшного, заменят чем-нибудь, все же люди, поймут – мало ли что могло произойти у человека. Ведь Озеровская, пусть и талантливая тележурналистка, но, в первую очередь, женщина. Вон как она над внешностью своей новой трясется. А кстати, мам, ты же собиралась разузнать у подруги секрет ее молодости. Правда, я не понимаю, зачем тебе это, тебя и так все за мою старшую сестру принимают.

– Тарахтелка ты моя, – Елена с нежностью поцеловала дочкину макушку, – и как ты только умудряешься вместе с отцом бизнесом рулить? Там же порядок нужен в мыслях, а ты перескакиваешь с одной на другую, словно пьяная блоха.

– Это я с тобой расслабляюсь, по-нашему, по-бразильски.

– Что же касается Озеровской, то ты, дочунь, просто ее совсем не знаешь. Мы знакомы с Элей уже довольно давно, и, хотя близко дружим только последние пять лет, я помню, как она начинала и через что ей пришлось пройти ради достижения сегодняшнего статуса. Так что рисковать выходом программы в эфир Эля без причины не будет. Так, дай-ка мне телефон.

– Какой? Мобильный?

– Для начала попробую позвонить на домашний.

– Почему? Мобильный вернее.

– Да просто он в спальне остался, неохота подниматься за ним.

Но подняться все же пришлось, поскольку домашний ныл однообразную мелодию под названием «Никого нет дома». Автоответчика у Элеоноры не было, она считала, что все, кто ей интересны, знают номер ее мобильного.

Лана предложила сбежать наверх и доставить матери ее телефон, но Елена отказалась:

– Сиди уж, олененок, я сама схожу. Заодно нашего папеньку проведаю. А ты пока наслались субботним разнообразием телевизионных сюжетов, небось совсем не в теме, заездил тебя рабовладелец и эксплуататор Мирослав Красич.

По большому счету, насчет отсутствия дочери в сверкающей стразами от Сваровски гламурной теме Елена была права. Впрочем, и по малому счету тоже. После возвращения Яромира в Штаты Лана на светских тусовках больше не появлялась. И не потому, что не хотела, просто времени не было. Хотя...

Если взять отполированную мозолистыми руками пролетариата лопату истины и, увязая шпильками в компосте, докопаться до тщательно скрытой настоящей причины, она, причина, стыдливо сворачивалась гусеничкой на дне ямы – Лана не хотела появляться «в свете» одна.

Одно дело – быть в центре внимания, но, что самое главное, в центре абсолютно необременительного внимания рядом со звездным братом, и совсем другое – в гордом одиночестве (и наличие какой-нибудь приятельницы рядом ситуацию не меняет) без мухобойки. Зачем мухобойка? От назойливо жужжащих кавалеров отбиваться.

В общем, катила Милана Мирославовна Красич по убегающей за горизонт хорошо наезженной колее, почти не оглядываясь по сторонам. И что творится по этим самым сторонам-обочинам, понятия не имела.

Как оказалось, правильно делала, что не связывалась с понятием, потому что там, на обочине, как раз и шла жизнь по понятиям.

Впрочем, то, о чем верещал сейчас с экрана все тот же желтый Макс, даже в жизнь по понятиям не вписывалось. Потому что запредельная жуть обитает именно за пределами любых понятий.

И тот, кто творил такое, тоже вряд ли мог отнести себя к роду человеческому.

А желтый Макс тем временем суетливо тыкался похожим на гигантский чупа-чупс микрофоном в широченную грудь спецназовца, пытаясь прорваться за желтую ленту милицейского ограждения. Но, поскольку весовые категории противостоящих сторон вытаскивали из закоулков памяти нетленку дедушки Крылова «Слон и Моська», жалкие попытки Макса увенчаться могли чем угодно, только не успехом. Здоровенный детина в черном камуфляже легким движением левого мизинца задавал нужное направление репортеру. Само собой, представление о нужном направлении у противостоящих сторон было диаметрально противоположным.

Запахавшийся от бесполезных усилий желтый Макс сообразил наконец, что прорваться поближе к месту, где колдовали сейчас криминалисты, не получится, и, развернувшись к камере, возбужденно заверещал:

– Увы, дамы и господа, показать вам место очередного, уже пятого по счету, преступления кровавого маньяка, получившего прозвище Сатанист, нам не дают, но мы постараемся сделать все от нас зависящее, чтобы вы смогли собственными глазами убедиться в беспомощности правоохранительных органов. Как видите, наша доблестная милиция гордо стоит на страже душевного покоя своих граждан. Душевного, но не телесного, ведь уже пятая, вы слышите – пятая женщина приняла мучительную смерть от лап чудовища в человеческом обличье! Кто знает, где находится логово этого монстра, в котором Сатанист совершает свои омерзительные обряды? Может, рядом с кем-нибудь из вас? Ведь снова вокруг найденного трупа практически нет крови, а это значит, что кожу с несчастных сдирают где-то в другом месте...

В этот момент оператор сделал «наезд», место преступления приблизилось, и стало видно окровавленное покрывало, под которым угадывались очертания человеческого тела. Из-под покрывала высывалась маленькая женская ножка, мизинец на которой был немного кривым.

Лана схватила пульт и выключила телевизор. Желания смаковать вместе с перевозбужденным Максом подробности кровавой оргии не было.

А вот отмыться от ментальной грязи захотелось, причем нестерпимо.

Глава 5

Эх, сейчас бы в бассейн, да проплыть метров пятьсот! Или даже больше, до изнеможения, чтобы не думать ни о чем, кроме удобного шезлонга на краю бассейна.

Но увы, солнце все еще бастовало и являть себя миру отказывалось.

Лана взяла валявшийся на диване глянцевоый журнал, надеясь развлечься квазинаучными исследованиями, подтверждающими невероятную эффективность супермегафитинга, после применения которого морщинистая физиономия становилась гладкой, словно попка младенца.

Лана никогда не могла понять – зачем напрягаться ради превращения лица в задницу, если у довольно большого процента населения и так на плечах искомая часть тела. Но про-сматривать рекомендации для достижения нужной степени гладкости было забавно.

Раньше. Но не сейчас. Руки ходили ходуном... нет, они же не ноги – дрожали дрожуном, гламурные офтошоппленные красотки расплывались в одно большое кровавое пятно.

Да что ж такое-то! Что за истерика? Она что, выпускница института благородных (и не очень) девиц, чтобы хлопаться в обморок, услышав о страшной страше? Ну, маньяк, ну, псих, так что – мало их в последнее время развелось?

Однако увиденный осколок репортажа прочно засел в душе, причиняя боль при малейшем движении.

Лана машинально листала страницы журнала, совершенно не фиксируя пролистанное. Внезапно осколок в душе дернулся, вызвав цепную реакцию рывков и подергиваний, завершившуюся падением на пол.

Но выяснить, что именно спровоцировало репетицию пляски св. Витта, девушка не успела – на лестнице, ведущей на второй этаж, появилась мама Лена.

– Да, конечно, Элечка, приезжай. – Все ясно, на связи Озеровская. – Нам с Мирославом удалось Лану на выходные в гости затащить, ей тоже будет интересно. Что именно? Да хотя бы то, что сама Элеонора Озеровская стала банальным сетевиком. Все-все, больше не буду. Разумеется, не банальным, а суперэлитным, но согласись, Эля, – сетевиком. И ничего обидного в этом нет, кто «Мэри Кей» втюхивает друзьям и знакомым, кто «Орифлейм», а ты будешь свою «Свежую орхидею» втю... Ох, прости, предлагать. Фу, какая ты нудная стала, куда твое чувство юмора ушло? Туда же, куда возрастные морщины? В общем, договорились – ждем тебя завтра часикам к двум. Дня, разумеется, Красичи по ночам обычно спят, в отличие от тусовочного бомонда. Пока-пока.

К концу разговора Елена успела не только спуститься в гостиную, но и снова удобно устроиться рядом с дочерью на диване.

Нажав кнопку отбоя, она встревоженно посмотрела на Лану:

– А ты что бледная такая? Плохо себя чувствуешь? И телевизор выключила. Голова болит, да?

– Мам, прекрати кудахтать, – улыбнулась девушка. – Смешно очень получается. Такая холеная и изящная курочка-бентамочка, и вдруг – заполошное хлопанье крыльями. Все нормально у твоей уже довольно взрослой девочки, просто по телевизору ничего интересного нет. И вовсе я не бледная, я в принципе бледной не бываю. Ты лучше скажи, что там с Озеровской? Насколько я поняла, теледива завтра осчастливит вас визитом?

– Сарказм в твоём вопросе действительно присутствует или мне послышалось? – проворчала Елена, поднимая с пола журнал. – Еще и курицей бестолковой обозвали. Ну вот и дождалась я дочерней благодарности!

– Мама, не ерунди и от ответа не увиливай, – Лана забрала журнал, собираясь потом разобраться, что именно ее в нем зацепило. – Рассказывай про Озеровскую. Куда ее носило?

– Никуда, – усмехнулась мать. – Ты оказалась права, Эля на последней тусовке подцепила очередного красавчика-альфонсика...

– Так сразу и альфонсика, про любовь с первого взгляда уже никто и не вспоминает, – загрустила Лана.

– А там и была любовь с первого взгляда, только взгляд этот был направлен на драгоценности, которыми щедро увешала себя наша теледива. И это, между прочим, вполне Элеонору устраивает, ей не нужны страстные эмоциональные заморочки, товарно-денежные отношения в ее случае предпочтительнее. В этот раз, по словам Озеровской, товар ей достался более чем качественный, свой гонорар парнишка отработал от и до, из койки наша парочка почти не вылезала. Телефоны, естественно, Эля отключила, а о том, что программу недооозвучила, – забыла. В общем, выражаясь современным сленгом, забила на всё. И если бы не тот телевизионный репортаж, который ты видела, она бы и дальше развлекалась. Но – увидела, опомнилась, быстренько собрала и выпроводила парнишу, оплатив, разумеется, работу, и – в Останкино. Все успела, все проконтролировала, но в койку, говорит, больше не хочет, решила отдохнуть. Довольная такая, мурлычет. Ну, я и решила воспользоваться моментом и поинтересоваться секретом ее молодости. И, представляешь, Элька раскололась! А ведь раньше держалась стойко, никак делиться информацией не хотела, я уж и так, и эдак...

– Мам, не тяни.

– Тебе-то зачем, ты же у меня молодая и свежая по естественным, так сказать, причинам.

– Интересно же!

– Ну ладно. К тому же эта информация действительно может тебе пригодиться. В общем, Озеровская уверяет, что ее нынешняя внешность – результат использования косметики «Свежая орхидея». Слышала о такой?

– Нет, никогда. Но я не показатель, ты же знаешь.

– Так дело в том, что и я ничего не знаю ни о какой «Свежей орхидее»! Хотя слежу за всеми новинками.

– Сомнительно это как-то – никому не известный бренд, владельцы которого не стремятся раскрутиться за счет VIP-клиентов. Если их средства действительно настолько эффективны, что из сорокапятилетней дамы сделали тридцатилетнюю без всякой пластики, то я на месте производителей привлекла бы внимание к каждому такому случаю!

– Это если клиенты согласятся.

– Почему же им не согласиться? – пожалала плечами Лана. – Разве кто-то откажется похвастаться лишним раз своей обновленной внешностью? Наш холдинг, к примеру, постоянно демонстрирует потенциальным клиентам построенные объекты.

– Доча, согласишься, что строительный бизнес слегка отличается от косметического. И законы там разные.

– Законы экономики и цивилизованного ведения бизнеса едины...

– Ну, не знаю, – Елена, досадливо поморщившись, прервала приготовившуюся к ознакомительной лекции дочь. – Но то, как ведут свои дела производители «Свежей орхидеи», кажется мне разумным. Сетевой маркетинг...

– Тоже не обходится без рекламы, – закончила Лана. – И покупает рекламные лица своих брендов. К примеру, «Орифлейм» рекламируют Дима Билан и Евгений Плющенко.

– Будешь перебивать, вообще ничего рассказывать не стану, – поджала губы Елена.

– Извини, мамулечка, я больше не буду, – и Лана, преданно вытаращив глаза, изобразила застегивание рта на молнию.

– Трепуха, – проворчала мать, с трудом сдерживая улыбку. – В общем, «Свежая орхидея» позиционируется как что-то недоступное массовому потребителю, и не только из-за дороговизны, хотя цена продукта, на мой взгляд, просто зашкаливает. Ставка сделана на желание обитателей деревенек по Рублевскому шоссе ощущать свою принадлежность к узкому кругу

избранных, причем всегда и во всем. Мы с отцом поэтому и не захотели покупать дом в этом заповеднике снобизма и пафоса. Но производители «Свежей орхидеи», используя именно эти качества большинства рублевских «сельчан», разворачиваются все масштабнее. Стать их клиентом можно только по рекомендации кого-то из постоянных заказчиков. Потом тебе выделяют личного консультанта, который, в зависимости от возраста и типа кожи, подбирает полный ассортимент продукции. Именно полный: от, скажем, геля для душа до ночного крема. Попытка одновременного со «Свежей орхидеей» использования косметики других брендов – выброшенные на ветер или псу под хвост, кому как нравится, деньги. Результата не будет. Озеровская на этом постоянно делала акценты.

– Зачем? – не выдержала-таки Лана.

– Чтобы я хорошенечко подумала, прежде чем начать пользоваться «Свежей орхидеей», ведь, учитывая сумасшедшую цену продукции, полный набор средств стоит, как подержанная иномарка.

– Сколько?!

– Столько, – усмехнулась Елена. – И клиентов, между прочим, у фирмы все больше. Вот тебе и законы бизнеса.

– Кстати, если уж говорить о законах бизнеса, то это вовсе не сетевой маркетинг, ведь, насколько я поняла, рекомендация постоянного клиента ничего этому клиенту не приносит?

– Не занудничай, дело не в названии, а в результате.

– Все равно, – с сомнением протянула Лана, – странно все это. Левая какая-то фирма в строжайшей тайне распространяет свою сомнительную продукцию.

– Сомнительную! – фыркнула мать. – Ты Озеровскую видела? Она ведь и вблизи, без килограмма телевизионного грима, выглядит великолепно. И поверь, Элеонора ни за что не связалась бы с фирмой, головной офис которой находится в Одессе на Малой Арнаутской. Она, прежде чем начать пользоваться продукцией «Свежей орхидеи», собрала о производителях всю информацию. Поверь, там не просто чисто, но и очень солидно, среди учредителей есть и весьма серьезный банк. Насколько я поняла, именно туда, в банк, обратились в свое время талантливые, но безденежные технологи. Или разработчики рецептур? – Елена на секунду задумалась, потом махнула рукой. – Впрочем, какая разница? Главное – результат, а он впечатляет. В общем, завтра Озеровская придет в гости и расскажет все подробнее. И мы с тобой решим – становиться клиентками «Свежей орхидеи» или нет.

– Мы с тобой? – удивилась Лана. – Я-то тут при чем? Мне антивозрастная косметика вроде пока не нужна.

– А в ассортименте есть великолепные и эффективнейшие средства для проблемной кожи.

– Здравствуйте-приехали, когда это у меня была проблемная кожа?

– Подруга называется! – мама Лена укоризненно покачала головой. – А Иришка Иванцова? Забыла?

– Ой, точно! – воскликнула девушка. – Свинота я все-таки. Мам, а можно я Иришку приглашу на завтрашнюю презентацию?

– Зови, конечно же.

– А Озеровская бухтеть не будет? Она же, ты говоришь, долго упиралась, прежде чем тебе рассказать, а тут еще какая-то девица явится.

– Что значит – какая-то девица? – усмехнулась Елена. – Можно подумать, Эля не знает твою Иришку! Звони лучше, договаривайся.

– Ты у меня золото, мамик! – Лана поцеловала мать в щеку и поднялась. – Пойду звонить.

Глава 6

С Ирешкой Иванцовой Лана познакомила в первый день занятий в финансово-юридической академии. По сути, первокурсники первого сентября мало чем отличаются от первокурсников: с любопытством и легким волнением разглядывают тех, с кем предстоит провести бок о бок ближайшие годы. Правда, бока у первокурсников и свежееиспеченных студентов слегка отличаются, поэтому и выражение «бок о бок» трактуется в некоторых случаях по-разному.

Но любопытство и волнение было одинаковым.

Лана не успела толком рассмотреть своих одноклассников, когда к ней подошла... Нет, ходить медленно и торжественно, неся себя, словно раритетную китайскую вазу времен династии Мин Ирешка не умела, она летала, носилась, в крайнем случае – торопливо шла, подпрыгивая от нетерпения.

А в тот день Иванцова к Лане именно подлетела, остановившись буквально в метре от девушки:

– Привет! Тебя как зовут?

– Лана.

– Лана... – смешная девчонка, благодаря шапке мелких рыжих кудряшек похожая на солнечный одуванчик, на секунду задумалась. – Что-то не помню в списке такого имени.

– Вообще-то мое полное имя – Милана.

– Ух ты, здорово! Я сразу обратила внимание, когда прочитала, очень уж красивое сочетание – Милана Красич! Я все время пыталась представить, как выглядит девушка с таким именем, подходят ли они друг другу?

– Кто кому подходит? – не въехала слегка ошарашенная напором Лана.

– Ну, имя своему обладателю! – девчонка аж подпрыгнула от избытка энтузиазма. – Например, встречаешь иногда какую-нибудь бабеху с картофельным носом, а ее зовут, скажем, Светозара Выпендренная. Или видишь – красавец, мачо, литая фигура, глаза – утонуть можно, а он Афанасий Какашкин! Поняла, о чем я?

– Вполне, – улыбнулась Лана. – Жду теперь вердикта.

– Чего?

– Мы с именем – подходящая пара?

– О-бал-ден-но подходящая! Вы оба... или обе... ай, ладно – красивые-прекрасивые!

Скажи, а такие красивые, как ты, дружат с некрасивыми?

– Тебе не кажется, что ты сейчас задала совершенно дурацкий вопрос? – усмехнулась Лана.

– Да? – наморщила лоб тараторка. – И правда. Тогда давай дружить? Меня зовут Ирина. Ирина Иванцова.

Какая там Ирина! Никто никогда не называл непосредственную, жизнерадостную, солнечную девушку этим жестким именем, она была и осталась Ирешкой.

Не нажившей за все годы учебы ни одного недоброжелателя. Девушка приятельствовала со всеми, но дружила до самозабвения преданно только с Ланой, совершенно не заморачиваясь тем, что выглядит на фоне безупречной красавицы Красич совсем уж убого.

Невысокая, критически худенькая Иванцова могла похвастаться разве что огромными, прозрачно-зелеными глазами, распахнутыми миру в ожидании счастья.

В остальном же природа по отношению к этой славной девчонке явно пожмотничала. Рыжие кудряшки имели неприятный, грязно-красный оттенок, и вились так мелко, что больше напоминали груды стружек возле станка ударника коммунистического труда токаря Василия Нетудыхаты. Для того чтобы соорудить из этой груды что-то мало-мальски смотримельное,

требовалось потратить немало времени, а его, времени, у стрекозы Иванцовой не было никогда. В смысле – лишнего. Поэтому и носилась она с невразумительным рыжим малахаем на голове.

А еще Иришке досталось широкое и довольно плоское лицо, похожее на жабью мордочку. Сходство усиленно лоббировавший большой узкогубый рот.

И в качестве завершающего, так сказать, штриха, эдакого последнего гвоздя в крышку, бедняжка являлась «счастливой» обладательницей плохой кожи.

Другая девушка, получив от природы целый мешок гадостей, наверное, озлобилась бы на весь мир или превратилась в тихую закомплексованную мышку, коротающую свои дни где-то в районе веника. Или плинтуса.

Другая, но не Иришка. Она развеселой жабкой скакала по жизни, радуясь любой позитивной мелочи. Неугасимый оптимизм и искрящаяся энергия освещали некрасивое личико девушки радужным сиянием, и через десять минут после знакомства невольная жалость, появлявшаяся у собеседника, куда-то исчезала, сменяясь искренней симпатией.

И, между прочим, замуж Иванцова вышла чуть ли не самой первой среди девчонок их курса, причем не за какого-нибудь пройдоху, желавшего получить московскую прописку и влиятельную родню (а отец Иришки был, на минуточку, депутатом Государственной думы), нет. Мужем Иванцовой стал студент пятого курса их же академии, сын владельца крупного издательства Олег Никишин. Невысокий, коренастый, с ранними залысинами, подчеркивавшими высокий лоб, Олег, конечно, не мог похвастаться внешностью героя-любовника, но и убогим уродцем он не был. Эдакий белобрысый крепышок с типично рязанской внешностью и нетипичной деловой хваткой.

Многие в академии считали, что Никишин женился по расчету, надеясь, что деньги отца и связи тестя помогут его карьерному росту. Возможно, поначалу это было и так, слишком уж активно Олег начал окучивать Иришку. Но потом он полюбил смешную восторженную девчонку всерьез, Лана, как самая близкая Иришкина подруга, была свидетелем развития отношений.

Замечательного, между прочим, развития, результатом которого стали двое симпатичных мальчишек, рыжий Гошка четырех лет от роду и годовалый Димка, лобастенький белобрысик.

За семь лет после окончания академии Олег Никишин, решивший не изобретать велосипед и двинувший по проложенной отцом дороге, стал совладельцем пусть пока и небольшого, но динамично развивающегося издательства, специализировавшегося на выпуске литературы юридического и экономического профиля.

Иришка, энергия которой вовсе не перестала фонтанировать после рождения сыновей, в декрете не сидела и уже через два-три месяца после родов выходила на работу, предоставив возиться с малышами бабушкам.

На какую работу? В их общее с мужем издательство, разумеется. Мозги Ирины Иванцовой-Никишиной устроены были самым подходящим для бизнеса образом и, подойдя к бизнесу вплотную, слились с ним в экстазе.

В общем, обе подруги стали очень и очень деловыми женщинами, но дружба их от этого не ослабела, скорее, наоборот – общих тем для обсуждения стало больше.

И что бы ни злопыхали представители рода мужского насчет женской дружбы, она была, есть и будет. Самая настоящая, самая верная.

Иришка, став замужней дамой и по совместительству бизнес-леди, вступила, наконец, в противоборство с природой и занялась своей внешностью. Волосы с помощью известного стилиста удалось-таки призвать к порядку, загнав их в стильную стрижку, грязновато-красный оттенок сменился на насыщенно-янтарный, великолепно гармонирующий с зеленью глаз. Тот же стилист подобрал макияж, превратив смешную жабку во вполне симпатичную женщину.

А еще Иришка после родов очень удачно округлилась и в целом теперь выглядела более чем достойно.

Если бы не одно но... Та самая нездоровая кожа. Обычно гормональный стресс, испытываемый организмом женщины во время беременности и родов, решает проблему воспалений и высыпаний, но у Иришки так не случилось.

Зловредная природа, сдававшая одну за другой все позиции, уродовавшие женщину, на последнем этапе уперлась, и сломить ее сопротивление пока не получалось.

И Иришка, раньше не заморачивавшаяся по поводу своей внешности, став почти симпатичной, вдруг закомплексовала. Что только она не перепробовала, где только не лечилась, но результата не было.

Поэтому Лана и решила пригласить на завтрашнюю презентацию подругу, которую, к стыду своему, не видела уже больше полугода. И это живя в одном городе!

Можно было бы, конечно, сослаться на занятость и всепоглощающее болото бизнеса, на то, что по телефону подруги общались почти каждую неделю, но раньше столь длительных перерывов во встречах не было, Лана с Иришкой раз в два-три месяца обязательно устраивали посиделки, чаще всего в квартире Ланы.

Но в этом году перерыв как-то затянулся. Сначала – приезд Яромира, тусовочная карусель и выходка Винторогова, на девичьи посиделки времени не нашлось. Лана, разумеется, приглашала подругу с мужем присоединиться к карусели, но у Олега не получилось, ему пришлось уехать в командировку, а Иришка без мужа ходить на тусовки отказывалась.

После отъезда Ярика Лана пару раз предлагала подруге устроить междусобойчик, но Иришка, закутавшись в шаль загадочности, всячески уклонялась, намекая на какой-то грядущий сюрприз.

И сколько Лана ни пыталась порвать туманную шальку и выяснить, что там за сюрприз намечается, у нее ничего не получилось, Иванцова держалась на удивление стойко.

Что само по себе было сюрпризом, поскольку эмоциональная и искренняя Иришка совершенно не умела хранить тайну. Лана даже не подозревала, что у ее рыжика в запаснике личностных качеств имеется скрытность.

Оказалось – имелась, да еще какая!

Правда, около десяти дней назад Иришка позвонила подруге и торжественно объявила, что сюрприз вот-вот созреет и его можно будет сорвать.

Но с тех пор – ни звука. Видимо, Иванцова специально нагнетала напряжение, дабы насладиться эффектом по полной программе.

Но придется ее все же побеспокоить, тут ведь дело тоже довольно важное. А вдруг эта хваленая «Свежая орхидея» решит, наконец, Иришкину проблему.

Лана набрала знакомый номер.

Глава 7

Да что ж такое, в самом-то деле! Это что, всемирный заговор телефонов? Или, как предупредал фильм «Терминатор», началась война между человечеством и машинами? Так телевизор вроде работает, кофеварка – тоже, тостер, конечно, хлебом швыряется, так ведь работа у него такая. Хотя, если честно, мог бы и повежливее подавать, с возгласом «Кушать подано!», к примеру.

А вот мобильные телефоны, видимо, сочли, что их конституционные права нарушены, и устроили предупредительную забастовку.

Во всяком случае, у подруг женской половины семьи Красичей. Сначала отказался выполнять свои обязанности по коннекту телефон Элеоноры Озеровской, а теперь – мобильник Иванцовой, издевательски-равнодушно сообщивший, что поговорить не получится, ибо не фиг.

Правда, в случае с Иришкой ничего удивительного в этом не было, рыжуга частенько забывала вовремя ставить телефон на подзарядку, и бедолага периодически падал в голодные обмороки.

Ну что ж, на мобильных телефонах свет клином не сошелся, он, свет, рассеялся еще и по огромному пространству обычных проводных телефонов.

Сегодня суббота, выходной, а значит, есть шанс застать подругу дома. Стопроцентной вероятности, конечно, не было, шепутная Иванцова вполне могла, прихватив сыновей, усвистать с мужем на уик-энд к морю.

Лана снова спустилась вниз за трубкой радиотелефона. Мама Лены в гостиной уже не было, зато с кухни доносились звуки предужинной артподготовки.

Трубка, мрачно насупившись, лежала на диване. Славянская безалаберность очень напрягала родившийся в Японии аппарат. Как можно швырять средство связи где попало, вместо того чтобы аккуратно вставлять его в гнездо базы?

Вот и получите теперь!

– Нет, ну это просто свинство! – возмутилась Лана, глядя на ехидно мигающий значок пустой батарейки.

– Ты чего воюешь? – Из кухни выглянула мать. – Иришке позвонила?

– Так в том-то и дело, что нет! Мобильник ее вне зоны действия, собралась позвонить на домашний, а тут здрасьте-приехали – трубка разрядилась!

– Гром и молния! – хихикнула Елена, возвращаясь к прерванному занятию. – Ад и буря! Просто кошмар на улице Вязов! С сотового позвони на домашний, недотыкомка!

– Можно подумать, сама я не догадалась бы, – проворчала девушка, отправляя победно ухмыляющуюся трубку в искомое отверстие. – Обзывается еще! Нет чтобы пожалеть несчастную доченьку, вынужденную тягать себя по лестнице туда-сюда. Понастроят буржуйских домов на дурное количество квадратных метров, а ребенок страдай!

– Интересно, – из кабинета вышел отец и с хрустом потянулся, – отчего страдает бедный ребенок? Кого убить или, в крайнем случае, побить? Кто виноват?

– Во всем и всегда виноваты мужчины, – ворчливое настроение продолжало хозяйничать в душе Ланы.

– Положение обзывает, – не стал возражать Мирослав и затопал вниз по лестнице. – Жена, ты тоже меня обижать будешь?

Что ответила мама Лена, девушка не расслышала, сосредоточившись на телефоне. Так, еще раз попробуем набрать номер мобильного подруги. Та же ерунда. Ну что ж, тогда – домашний.

Гудки ровным строем тянулись один за другим, как танки на параде. Один танк, второй, третий. Похоже, Никишины все же куда-то усвистали.

После прохождения десятого танка Лана собралась уже нажать кнопку отбоя, когда там, в квартире подруги, трубку все же взяли.

– Да, слушаю, – какой-то у Олега голос странный – сухой и равнодушный. Устал на работе, что ли?

– Привет, Олежка!

– А, это ты.

Ничего себе заявочки! Куда делась неизменная приветливость Никишина? Или...

– Господи, что случилось? Что-то с Иришкой? – сердце вдруг заметалось пойманной в силки птицей. – Или... с мальчиками?!

– Только не делай вид, что ты ничего не знала.

– Да что знала-то? – заорала Лана.

– Что у моей жены связь на стороне.

– У твоей жены... что?

– Не кривляйся, – в монотонно-сером голосе Олега появились, наконец, краски. Правда, в основном ядовитых оттенков. – Небось, давала любовничкам ключи от своей квартиры, сводня?

– Стоп! – Лана, загнав растерянность с непониманием в дальний угол, оборвала начинавшуюся мужскую истерику. – В подобном тоне мы с тобой разговаривать не будем.

– Да я вообще с тобой говорить не хочу! – сорвался все же на крик Никишин. – Предательница! Все вы, бабы...

– Я выезжаю немедленно, через сорок минут буду у вас, и ты мне все расскажешь, – так, побольше льда в голос, может, опомнится. – И прекрати истерить! Ты же взрослый мужик, бизнесмен какой-никакой, а ведешь себя, как упившийся революционный матрос. Осталось только рубашку на груди порвать и слезу пустить. Или уже пустил?

– Не хамя.

– Прими как аксиому – я понятия не имею, что там у вас произошло, ясно? Последние полгода мы с Иришкой вообще не виделись, общались только по телефону, она какой-то сюрприз готовила.

– Ага, сюрприз, – с горечью произнес Олег. – Она всем сюрприз преподнесла, дрянь!

– Прекрати! Не смей так говорить, не разобравшись!

– Да она...

– Я же сказала – приеду, и ты мне все расскажешь.

И Лана нажала кнопку отбоя.

Похоже, в гости к Никишиным заглянула полная ерунда. И не просто полная, симпатично-округлая, а бесформенная, заплывшая жиром туша, с трудом протиснувшаяся в двери светлого и безмятежного Иришкиного дома. И раздавившая, похоже, радугу счастья.

В то, что подружка могла позволить себе даже легкий флирт, Лана не верила ни секунды. Даже на полсекундочки ее веры не хватило бы. А предположение о появлении у рыжика постоянного любовника могло обитать лишь в записях бреда буйнопомешанного, сделанных врачом закрытого отделения психиатрической клиники.

Пока же ясно было только одно – там, у Никишиных, стряслась с самой кривой ветки дерева жизни какая-то беда. Кто тряс это дерево, чтобы беда шлепнулась кляксой грязи на семью подруги, Лана еще выяснит, но позже.

Девушка в темпе натянула джинсы и легкий хлопковый джемпер, покидала в рюкзачок документы на машину, права и бумажник, туда же отправились ключи и мобильник. Теперь пора.

Сидевший перед телевизором Мирослав с удивлением оглянулся на дробный топот, гором скатившийся по ступенькам:

– Олененок, ты куда несешься? Ужин через полчаса.

– Папуль, я поужинаю позже, мне срочно надо к Иришке.

– Что случилось? – встревожилась появившаяся в дверях кухни Елена.

– Понятия не имею. С Иришкой поговорить не получилось, Олег несет какую-то чушь насчет ее любовника, психует, орет.

– Что за чушь! – поморщился отец. – Ириша – и любовник?! Фу, ерунда какая! Никишин что, напился?

– Не похоже.

– Тогда что...

– Вот за этим я и еду, узнать – ЧТО. Мамуль, – Лана улыбнулась растерянной матери, – ты папу голодом не мори, меня ждать не надо, ужинайте. Все, я побежала.

И она действительно побежала. Сначала – к машине, затем на машине – к Москве. А потом они с «Лексусом» побежали-помчались, словно введенное внутривенно лекарство, к центру города, торопясь помочь, успокоить, вылечить.

Обычно Лана водила машину очень аккуратно, как пекинеса на поводке, соблюдая все правила дорожного движения и скоростной режим. Сейчас же правила с режимом забились в угол заднего сиденья, с ужасом глядя на мелькавшие деревья и дома. Возможно, они даже молились тихонько Главному Гаишнику, прося того послать навстречу окончательно свихнувшейся девице раскормленного ангела с полосатым жезлом, дабы он прекратил это безобразие.

Но то ли просили кляузники вяло, то ли ангелы кормились в другом месте – вразумить летящую под визг покрывшек Лану было некому.

Зачем, ради чего она так рисковала? Никто ведь не умирает, ничья жизнь не зависит от скорости прибытия на место. Подумаешь, ссора между супругами, спровоцированная ревностью Олега к мифическому любовнику жены! Это даже хорошо, ревнует, значит – любит.

Голос разума успокаивающе журчал в голове, призвав на помощь логику, но что-то другое, атавистическое, спавшее сном вечности под наслоениями цивилизованности, вдруг проснулось и дрожью пробежало сейчас вдоль позвоночника. Хотелось прижаться животом к земле и, бесшумно ступая на мягких лапах, осторожно красться туда, в темноту, где затаился зверь. Жестокий, опасный, несущий смерть зверь.

Ощущение притаившегося зла становилось все сильнее, Лана сжимала руль побелевшими от напряжения пальцами и давила, давила на газ почти до упора.

Заставляя не очень многочисленных (к счастью) в этот субботний вечер участников дорожного движения нервно вздрагивать, нажимать на тормоз и высказывать вслед унесшимся вперед габаритным огням все, что они думают об уродах на дорогах тачках. А если бы они еще успевали рассмотреть, что за рулем – баба! Тогда даже междометия в их речах были бы матерными.

Один раз за Ланой все же увязался жестко подрезанный черный джип весьма бандитского типажа, но куда джипу за помелом!

Будь народные приметы верными, Лана заикалась бы до смерти или уши раскалились и сгорели в пепел, ведь вспоминали, упоминали и проклинали ее сейчас очень многие.

Но – уши остались на месте, икать девушке тоже не хотелось.

А вот побыстрее попасть на гостевую парковку дома, в котором жили Никишины, хотелось, и даже очень. Но медлительный дедок, обслуживавший шлагбаум, торопливости современной молодежи не разделял.

Но ничего, все когда-нибудь заканчивается, вот и шлагбаум в итоге поднялся, пропуская «Лексус» на стоянку.

Лана торопливо выскочила из машины и понеслась к лифту.

Глава 8

Лифт в доме Никишиных был, естественно, скоростным, но в этот вечер он почему-то еле полз. Во всяком случае, так казалось Лане.

А Никишины еще и взобрались на пятнадцатый этаж! Это все Иришка, желавшая встретить солнце на пороге горизонта, а не дожидаться, пока оно выпадет из-за соседнего дома. Лана, панически боявшаяся высоты, на просторную лоджию Никишиных даже не выглядывала. Она и свой третий этаж считала непомерно далеким от земной поверхности, а на колесе обозрения... ох, простите – обозрения не каталась вообще.

Створки лифта мелодично дзынькнули, услужливо раздвигаясь. Интересно, если лифт ожидал чаевых, то куда их ему следовало засовывать?

То ли Олег ждал приезда подруги жены у входной двери, а может, просто проходил мимо по коридору и услышал блякканье лифта, во всяком случае, позвонить девушка не успела, дверь квартиры Никишиных приветливо распахнулась перед ней, приглашая войти.

А вот приветливости на лице хозяина квартиры не смог бы отыскать даже самый позитивный оптимист. Душевную боль – пожалуйста, угрюмость – сколько угодно, злость – вон она, в покрасневших глазах плещется.

Всегда аккуратный и ухоженный, сегодня Олег легко мог влиться в клуб джентльменов «777», заседания которого проходят ежедневно в ближайшей подворотне. Пятна сомнительного происхождения сроднили джинсы от Армани и рубашку-поло от Гуччи с вещами, сшитыми трудолюбивыми вьетнамцами, всклокоченные сальные пряди живописно обрамляли заросшую неопрятной щетиной физиономию – настоящий красапет из пивнухи.

– Господи, Олежка! – Лана прижала ладони к губам, с ужасом разглядывая мужа подруги. – Что? Что произошло? Все живы?

– Проходи, – посторонился Никишин, – нечего спектакль для соседей устраивать.

Девушка не стала реагировать на очередной укол, к Олегу следовало относиться сейчас как к больному. По ушам за свое свинское поведение он еще получит, но позже, когда все выяснится и успокоится.

Потому что иначе и быть не может.

Лана скинула кроссовки, и, не надевая тапочек, в носках пробежалась по просторной квартире Никишиных: гостиная, детская, кабинет, спальня, гостевые комнаты – пусто.

Чисто, идеально убрано и пусто. Везде, кроме кабинета Олега и кухни. Там компанию хозяину составлял такой же всклокоченный и неопрятный бардак.

С ним, видимо, Никишин и пил. Пусть только пиво, но, если судить по количеству пустых бутылок и банок, его, пива, было очень много.

Девушка прошла в нетронутую бардаком гостиную, села в кресло и выжидательно посмотрела на застывшего у порога Олега:

– Ну, чего встал? Или здесь действие мелового круга от нечистой силы заканчивается? Так я вроде не Панночка, а ты не Хома Брут.

– Я бы не стал на твоём месте отрицать принадлежность к панскому сословию, – проворчал Никишин, устраиваясь в кресле напротив. – Твой отец все же не десятину крестьянскую пашет.

– Рада слышать, что ты опять адекватен. Надеюсь, теперь ты сможешь внятно, без эмоциональных комментариев, объяснить, что, черт возьми, здесь произошло?!

– Не ори, – поморщился Олег. – И так голова третий день раскалывается.

– Меньше пива бы хлестал. Что с Иришкой? Мне кажется, с ней беда случилась.

– С чего ты взяла?

– Душа болит. И не только. Впрочем, это неважно. Рассказывай.

– А нечего особо рассказывать. Я уехал в понедельник в Германию по делам, вернулся, как и обещал, через три дня, в четверг рано утром. Открываю дверь, а тут, – Олег, криво улыбаясь, обвел пространство квартиры, – пусто и стерильно. Я, как и ты, обежал все комнаты, звал, аукал, думал, мои опять развлекаются, Ирка любит розыгрыши устраивать, но... Ни жены, ни детей. Я кинулся звонить Ирине – телефон выключен. Тогда набрал домашний Иванцовых, ответила теща. Она сказала, что мальчики у них, Ирка привезла их накануне, причем сделала это как-то странно – в квартиру не отвела, а позвонила из машины и попросила Тамару Петровну спуститься и забрать внуков. Ей, видите ли, срочно надо куда-то ехать. Дождалась, пока мать выйдет из подъезда, и стартанула, пришлось теще соседского парнишку просить Димкину коляску помочь донести до квартиры.

– Действительно странно, – задумчиво протянула Лана, – совершенно на Иришку не похоже.

– Вот именно. Мы все, как оказалось, очень ошибались насчет нее, даже мать. Тамара Петровна, как только вошла с внуками в квартиру, немедленно позвонила дочери, но та уже телефон выключила. А часа через два прислала СМСку, в которой просила присмотреть за детьми до тех пор, пока все не устроится. Что устроится, где – никаких объяснений. Тесть с тещей пытались поговорить со мной, но у них не получилось. Я в этот момент направлялся в аэропорт Франкфурта, вполне возможно, что были перебои со связью. Короче, теперь и я был в шоке. Что делать, куда бежать? Хотел уже тебе звонить, но тут позвонил снизу консьерж, сказал, что ко мне почтальон пришел с заказным письмом. Я велел пустить, и мне принесли это.

Никишин тяжело поднялся с кресла, какой-то старческой, шаркающей походкой сходил в свой кабинет и принес оттуда довольно большой конверт. Видно было, что в нем лежит не только письмо, но и что-то еще.

Это «что-то еще» оказалось музыкальной открыткой. Большой открыткой с развеселым мамонтенком из известного мультика. И песня, которую пицчала открытка при открывании, тоже была из этого мультика:

Пусть мама услышит, пусть мама придет,
Пусть мама меня непременно найдет!
Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети!

Пропела открытка и заткнулась, глядя на присутствующих несколькими написанными Иришкиной рукой строчками:

«Милые мои лучики, Гошенька и Димочка! Что бы ни случилось в нашей жизни, что бы вам ни говорили обо мне, запомните, родные мои солнышки, одно – мама вас всегда любила, любит и будет любить больше жизни. Ради вас...»

Последние два слова были зачеркнуты.

– Это все, что было в конверте? – Неудержимо хотелось расплакаться, но было нельзя. Ощущение непоправимого сдавливало виски все сильнее, в глазах темнело, потому что дышать получалось все хуже.

– Разумеется, нет, – глухо проговорил Олег. – Там еще письмо было.

– И где же оно? – сколько ни заглядывай внутрь конверта, пустота, как особа последовательная в своих поступках, оставалась на месте.

– Я его порвал сгоряча, – Никишин с силой провел ладонями по лицу и откинулся на спинку кресла. – А обрывки выбросил. Потом пришлось мусор перебирать, чтобы восстановить. Для тестя с тещей, они, как и ты, отказывались верить, что их дочь оказалась дрянью.

– Я хочу видеть письмо.

– Оно у Иванцовых. Хочешь, съезди к ним. Но я, если желаешь, могу тебе воспроизвести, не дословно, конечно, сей образчик эпистолярного жанра, – лицо Никишина странно перекосилось, возможно, раньше это означало улыбку.

– Что значит – «если хочешь»? А зачем же я, по-твоему, приехала?

– Есть варианты, – как-то гадко хмыкнул Олег. – Ну ладно, слушай. Короче, моя дражайшая супруга сжато и кратко сообщила мне, что встретила человека, которого полюбила по-настоящему. Меня она, оказывается, никогда не любила, а была искренне благодарна за то, что я увидел в жалкой уродине – это ее слова, не мои – женщину и подарил ей радость материнства. Но – сердцу не прикажешь. Она долго боролась со своим чувством, пыталась даже расстаться с хахалем, но у бедняжечки ничего не получилось. И тогда она решила разрубить проблему, как Македонский – гордиев узел. Просто отбросить прежнюю жизнь, словно ящерица – свой хвост, и начать отращивать новый. Хвост. И жизнь.

Черты лица сидящего напротив мужчины внезапно словно закаменели, глаза сузились, в них полыхнуло красным.

– И что, она так и уехала? – Лана не замечала этих перемен, занятая разглядыванием собственных дрожащих пальцев. – И больше ни единого звонка, даже детям?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.